

СКАЗАНІЯ
О СТАРОДАВНИХЪ ЛЮДЯХЪ
КІЕВСКОЙ ЗЕМЛИ

Михаила Максимовича.

ВЫХОДЪ ПЕРВЫЙ.

КІЕВЪ.
Въ типографіи Федорова.
1865.

Дозволено цензурою 16 марта 1865 года. Кіевъ.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ КІЕВСКІЙ СВЯТОСЛАВЪ ЯРОСЛАВИЧЪ.

Хотите ли, мои читатели, поглядѣть на нашихъ древнихъ Русскихъ князей? Вотъ изображеніе Владимірова внука Святослава Ярославича съ его княгинею и сыновьями. Великій князь представленъ съ книгою въ рукахъ

— потому, что онъ былъ большой любитель книгъ и наполнялъ ими свои полаты. Таковъ былъ и отецъ его Ярославъ Владиміровичъ: любилъ онъ читать книги и много ихъ положилъ въ созданной имъ Кіевской церкви св. Софіи. А просвѣтилъ своихъ сыновей и свой Русскій народъ христіанскою вѣрою и книжнымъ ученіемъ великій князь Владиміръ Святославичъ, котораго за то и величаютъ—*солнцемъ* Русской земли.

Святославъ Ярославичъ родился въ Кіевѣ 1027 года, и былъ 27-ми лѣтъ, когда отецъ его, подь конецъ своей многотрудной жизни, назначилъ сыновьямъ своимъ удѣлы въ Русской землѣ. Старшему сыну Изяславу далъ онъ первопрестольный городъ Кіевъ, Святославу Черниговъ, Всеволоду Переясловъ, Вячеславу Смоленскъ, а меньшому Игорю Владиміръ-Волынскій. А старѣйшій братъ ихъ Владиміръ Ярославичъ скончался еще при жизни отца, будучи на княженіи въ Новгородѣ, и тамъ погребенъ въ созданной имъ церкви св. Софіи.

Но кромѣ названныхъ шести удѣловъ Ярославовыхъ, былъ тогда на Руси еще удѣлъ Полотскій, отдѣленный великимъ княземъ Владиміромъ для жены своей Рогнѣды и для сына ея Изяслава Владиміровича. Изяславовъ сынъ Брячиславъ наступалъ на Новгородъ, желая притянуть его къ своему Полоцкому княжеству отъ Кіева, — и за то была у него во всю жизнь война съ дядею Ярославомъ. Такъ и Брячеславовъ сынъ Всеславъ былъ въ борьбѣ съ своими дядьями Ярославичами, и особенно съ Изяславомъ Кіевскимъ. Всеславъ Полотскій, считавшійся въ народѣ за волшебника, добивался Новгорода и занялъ было его себѣ въ 1066 году; но Ярославичи пошли на него и, сойдясь подъ Минскомъ на рѣкѣ Немигѣ, одержали надъ нимъ побѣду.

Объ той битвѣ осталась такая древняя пѣсня, что „на Немигѣ рѣкѣ снопы стелютъ головами, молотятъ цѣпами булатными, на току кладутъ жизнь, вѣютъ душу отъ тѣла. Кровавые берега Немиги не добромъ были засѣяны, засѣяны были костями Русскихъ сыновъ“.

Не добромъ, а горемъ и лихомъ для Русской земли были тогдашнія междоусобицы княжескія; да и самимъ князьямъ было отъ нихъ много бѣды и печали. Такъ и князь Изяславъ, крѣпко порывавшійся завладѣть Полоцкимъ княжествомъ, лишался дважды великокняжескаго престола Кіевскаго: разъ—черезъ Всеслава Полоцкаго, вѣроломно имъ взятаго и заключенаго въ Кіевской темницѣ; въ другой разъ—черезъ роднаго брата Святослава Черниговскаго.

На слѣдующій годъ послѣ той битвы на Немигѣ, подступили къ Переяслову иноплеменные враги Русской земли, *Половцы*, однородные съ прежними врагами Печенѣгами. Вышли противъ нихъ на рѣку Альту Ярославичи и были побѣждены, и бѣжали—Изяславъ и Всеволодъ въ Кіевъ, а Святославъ въ Черниговъ. Одержавшіе побѣду дикари азійскіе двинулись дальше и стали воевать около Чернигова. Тогда Святославъ собралъ дружины тысячи три и вышелъ противъ Половцевъ къ городу Сновску. Увидавъ идущій полкъ, они выстроились.

И увидѣль Святославъ, что ихъ вчетверо больше; и сказалъ онъ дружинѣ своей словами своего прадѣда Святослава Храбраго: „Потягнемъ, уже намъ нѣкуда дѣться!“ И ударили, и одолѣли. Много Половцевъ потонуло въ рѣкѣ Снови; а князя ихъ живаго взяли въ полонъ. Та побѣда была 1 ноября 1067 года.

А въ мартѣ мѣсяцѣ 1073 года Святославъ Ярославичъ занялъ великокняжескій престолъ Кіевскій, согласясь съ братомъ Всеволодомъ противъ Изяслава, побѣжавшаго отъ нихъ къ Ляхамъ. Того же года Святославъ, вмѣстѣ съ Печерскимъ игуменомъ Θεодосіемъ и Юрьевскимъ епископомъ Михаиломъ, заложилъ основаніе каменной церкви Печерской. Великое почтеніе оказывалъ Святославъ къ блаженнымъ начальникамъ Печерскаго монастыря. Еще въ 1068 году, когда воротившійся въ Кіевъ съ Ляхами и съ своимъ шуриномъ Болеславомъ Смѣлымъ князь Изяславъ прогнѣвался на Антонія за Всеслава Полоцкаго, Святославъ ночью взялъ къ себѣ въ Черниговъ святаго мужа, который

тамъ возлюбилъ Болдины горы, ископалъ на нихъ пещерку и пребывалъ въ ней нѣкоторое время. Когда же весною 1074 года сильно заболѣлъ Θεодосій и уже поставилъ вмѣсто себя избраннаго братіей Стефана, князь Святославъ съ сыномъ своимъ Глѣбомъ посѣтилъ богоноснаго отца, который тогда говорилъ ему: „Се отхожу свѣта сего, и се предаю ти монастырь на соблюденье, егда будетъ что смятенье въ немъ; и се поручаю игуменство Стефану, не дай его въ обиду.“ Князь же цѣловалъ его и обѣщался прилагать попеченіе о монастырѣ.

Владѣвшій большимъ богатствомъ князь Святославъ поставилъ въ самомъ Кіевѣ монастырь св. Симеона, въ Кошыревомъ концѣ надъ Подоломъ. Развалины того монастыря, не вдалекѣ отъ нынѣшней церкви Андрея Первозваннаго, видны были и въ 17-мъ вѣкѣ.

Святославъ Ярославичъ скончался въ 1076 году 27 декабря, и положенъ въ Черниговѣ въ церкви св. Спаса, основанной Мстиславомъ Владиміровичемъ Храбрымъ.

Въ томъ году, какъ Святославъ сталъ великимъ княземъ Кіевскимъ, многограмотный дьякъ Іоаннъ списалъ для него большую книгу, названную *Изборникомъ*, ибо она содержитъ въ себѣ выборъ изъ святыхъ отцевъ церкви и другихъ Греческихъ писателей о предметахъ христіанскаго ученія и другихъ наукъ. Та драгоцѣнная книга уцѣлѣла до нашихъ временъ. Въ ней, на оборотѣ перваго листа, написана разными красками и золотомъ картина, представляющая князя Святослава съ книгою въ рукахъ, его княгиню и сыновей. Съ той-то древней картины снятъ въ маломъ видѣ рисунокъ Святославовой семьи, который теперь передъ вами, мои возлюбленные читатели. О княгинѣ Святославовой не сохранилось никакого свѣденія; но князя Святославичи — *Глебъ, Романъ, Давидъ, Олегъ* и *Ярославъ* — довольно извѣстны изъ сказаній преподобнаго Нестора лѣтописца Печерскаго.

ПЕРЕЯСЛОВСКІЙ ОТРОКЪ

Я Н Ъ У С М О Ш В Е Ц Ъ.

Славенъ былъ городъ Переясловъ, считавшійся *третьимъ* городомъ Русской земли еще во время Вѣщаго Олега. Славенъ былъ онъ и въ богатырскій вѣкъ Владиміра Святаго, поставившаго тутъ новый пригородъ Переясловъ, въ память того, что здѣшній могучій отрокъ оправдалъ названіе своего города, *перялъ славу* у великана Печенѣжскаго. И вотъ какъ это было въ 992 году, по древнему сказанію, записанному въ лѣтописи Несторовой.

—Какъ воротился Владиміръ князь съ Хорватской войны, то пришли Печенѣги изъ за Сулы. Владиміръ пошелъ противъ нихъ, и встрѣтилъ ихъ на Трубежѣ, у того броду, гдѣ нынѣ Переясловъ. И сталъ Владиміръ на этой

сторонѣ, а Печенѣги на той; и не смѣли ни тѣ ни другіе переходить черезъ рѣку. И подѣхаль Печенѣжскій князь къ рѣкѣ, позвавь Владиміра, и говоритъ ему: „Выпусти ты своего воина, а я своего, и пусть борются; когда твой воинъ ударитъ моимъ, не воевать намъ три года; а когда ударитъ нашъ воинъ, воюемъ три года.“ И разошлись они врозь.

Тогда Владиміръ пришелъ въ свой станъ и послалъ биричей по шатрамъ кликать: нѣтъ ли такого воина, чтобы схватился съ Печенѣжиномъ? И не нашлось никого.

Заутра пріѣхали Печенѣги, и вывели своего воина; а у нашихъ не было. И почалъ тужить Владиміръ, посылаючи по всѣмъ воинамъ. И пришелъ къ князю одинъ старый мужъ, и говоритъ ему: „Княже! есть у меня меньшей сынъ; я вышелъ съ четырьмя, а онъ дома. Съ дѣтства его нѣтъ никого, ктобы одолѣлъ его. Разъ я угрозился на него, когда онъ мялъ кожу; а онъ, прогнѣваясь на меня, перервалъ кожу руками.“ Слыша это, обрадовался князь, и послалъ за нимъ;

и привели его къ князю; и князь повѣдалъ ему все. А онъ говоритъ: „Княже! не вѣдаю смогу ли; пусть испытають меня; нѣтъ ли быка великаго и сильнаго?“ И нашли быка великаго и сильнаго; и велѣлъ онъ раздражить быка. Положили на него желѣза горячаго и пустили его. И побѣждалъ быкъ мимо отрока. И ухватилъ онъ быка рукою за бокъ; и вырвалъ кожу съ мясомъ, сколько захватила ему рука. И сказалъ ему Владиміръ: „Можешь бороться съ Печенѣжиномъ!“,

Заутра пріѣхали Печенѣги, и начали звать: „Нѣтъ ли воина, а нашъ вотъ готовъ!“ Владиміръ же въ ту ночь велѣлъ снарядиться въ оружье. Приступили тогда обѣ стороны. Выпустили Печенѣги своего воина; былъ онъ превеликъ зѣло и страшень. И выступилъ воинъ Владиміровъ; и увидѣлъ его Печенѣжинъ, и посмѣялся, ибо онъ былъ средняго росту. И отмѣривъ между обоими полками, спустили борцовъ; и схватились они; и начали крѣпко держать другъ друга; и задавилъ онъ Печенѣжина въ рукахъ до смерти, и ударилъ имъ объ земь. И закричали;

и побѣжали Печенѣги; а Русь погналась за ними, рубя ихъ, и прогнала ихъ. А Владиміръ радъ будучи, заложилъ городъ на томъ броду, и назвалъ его Переясловомъ: *зане перья славу отрок-отъ*. И сдѣлалъ Владиміръ великимъ мужемъ его и отца его. И воротился Владиміръ въ Кіевъ съ побѣдою и славою.—

Изъ Никоновской лѣтописи извѣстно, что нашего Переясловскаго ратоборца звали *Янъ Усмошвецъ* (или, сказать по-просту—*Иванъ Кожмяка*), что онъ воевалъ съ Печенѣгами въ 1001 и въ 1004 годахъ, вмѣстѣ съ другимъ извѣстнымъ богатыремъ, Алѣшею Поповичемъ.

МЛІЕВСКІЙ СТАРОСТА

ДАНИЛО КУШНИРЪ.

Въ Черкасскомъ уѣздѣ на рѣчкѣ Ольшаной есть село Мліевъ, принадлежащее къ Мѳшенскому владѣнію княгини Воронцовой. Въ прошломъ столѣтіи, когда весь этотъ край снова былъ отданъ Польшѣ царемъ Петромъ Алексѣевичемъ по договору Прутскому, Мліевъ принадлежалъ къ Смѣлянскому владѣнію князя Любомирскаго. Въ числѣ жителей этого нѣкогда значительнаго мѣстечка, находился честный селянинъ *Данило Кушниръ*, бывшій нѣкоторое время старостою или *ктиторомъ* при здѣшней, нынѣ уже упраздненной Успенской церкви, и оставшійся въ народной памяти подъ именемъ *Мліевского титара*. Замѣчательнъ этотъ украинецъ силою духа, съ какою онъ, за непреклонность къ уни, претерпѣлъ страшное мученіе.

И не вѣрится, чтобы за *сто* лѣтъ передъ симъ Украинскій православный народъ, въ своей предковѣчной родинѣ, могъ быть предоставленъ уніатамъ, на такое лютое вѣрогоненіе, какое бывало въ первые вѣка христіанства отъ язычниковъ. Но оно дѣйствительно было и вызвало, наконецъ, народное отмщеніе себѣ въ такъ-называемой *Колієвщинѣ* 1768 года, предводителемъ которой былъ Запорожецъ Максимъ Федоровъ сынъ Желѣзнякъ, родомъ изъ села Ивковецъ Чигиринскаго уѣзда.

Данило Кушниръ претерпѣлъ страдальческую смерть 1766 года, 29 іюля, въ мѣстечкѣ Ольшаной. Предлагаю вамъ, мои читатели, того-временное сказаніе, лѣтъ за пять объявленное отцемъ Петромъ Лебединцевымъ. Оно написано въ Переясловѣ 1766 года 24 октября, стало-быть черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ Данилова голова принесена была изъ-за Днѣпра въ Переясловъ и предана честному погребенію въ каѳедральной Вознесенской церкви приснопамятнымъ епископомъ Гервасіемъ Линцевскимъ.

— « За Днѣпромъ, въ коронѣ Польской находящіяся священство и народъ издревле содержали по вѣсѣмъ обрядамъ христіанскимъ православное, Восточное, Грекороссійское исповѣданіе и принадлежали иные къ Кіевской, а другіе къ Переясловской православнымъ епархіямъ. Между тѣмъ хотя отъ римлянъ и уніатовъ крайне насилуемы были къ Римскому и уніатскому закону, и хотя нѣкоторые изъ священства и принуждены къ тому, однако православный народъ и донинѣ нарушимо содержалъ и содержитъ православное, Грекороссійское исповѣданіе.

И сего 1766 году, какъ прочіе въ Польской области находящіяся православные народы, въ томъ числѣ и губерніи (т. е. волости) Смѣлянской, мѣстечка Мліева, церкви Успенія Пресвятыя Богородицы прихожане, будучи насилуемы отъ уніатовъ къ уніи и паче возревновавъ по благочестію, минувшаго марта мѣсяца послѣднихъ чиселъ, во вторую недѣлю святаго великаго поста, согласясь всеобще, начали совѣтовать приходскому своему священнику Василю

Гдышицкому, чтобы онъ единогласно съ ними обѣщался содержать благочестіе цѣло и ненарушимо, и надлежалъ бы къ епархіи Переяславской, и то присягою утвердилъ. Однако онъ, Василій, будучи отъ уніатскаго архіерея рукоположенъ и придерживаясь своего уніатскаго закона, не только на оный тѣхъ прихожанъ совѣтъ склонитися не похотѣлъ, но еще удобъ возможнаго старательства прилагалъ, чтобы и прихожанъ къ своей уніи привратить; а именно: первое ихъ самихъ разнообразно бранилъ, потомъ православныхъ архіереевъ непотребными словами поносилъ, а наконецъ и православной Греко-россійской вѣры исповѣданіе хулилъ и унижалъ. Но за Божіею помощію ничѣмъ правовѣрныхъ одолѣть немогъ; а напротивъ того благочестивые прихожане оныи, видя его яростію распаленна и таковому ихъ совѣту крайне неблагодарна, не пожелавъ имѣть его у себе приходскимъ священникомъ, усовѣтовали не допустить его къ своей приходской церкви; а собрався всѣ обще въ церковь, какъ одѣяніе

священническое, такъ книги и сосуды церковные, оставя одну только гробницу съ святыми дарами на престолѣ стоящую, все позабирали и въ сундукѣ нарочно для того сдѣланномъ замкнули; и потомъ, не смѣя оной гробницы, будучи простолуди, коснуться, совѣтовали, какимъ бы образомъ оную гробницу взять и также спрятать. Между тѣмъ тамошній Млѣвскій атаманъ, по имени Кирикъ, а прозванія неизвѣстнаго, вѣдаючи изъ тѣхъ прихожанъ одного человѣка лѣтами уже не млада, благоговѣйна къ Богу, во всемъ безпорочна, надъ всѣми же тыми искренняго и первѣйшаго ревнителя ко благочестію, именемъ Даніила Кушвира, съ согласія общаго приказаль ему, яко старѣйшему человѣку, гробницу оную взять съ престола; чему оный Даніиль повинувась, со страхомъ и благоговѣніемъ приступилъ къ престолу Божію и предъ престоломъ положилъ три поклона до земли, и завѣсою церковною руки обернувъ, взялъ оную гробницу съ престола, благоговѣнно постановилъ въ показанномъ же сундукѣ

между означенными оными вещами, спрятали въ комору, на которой колокольня сдѣлана. Однако оный уніать Василій и потому не только не преклонился, но еще въ большее развращеніе пришедъ, не имѣя въ сердцѣ своемъ страха Божія и не могши онымъ прихожанамъ ничего сдѣлать, возымѣлъ злобу на помянутаго старика Даніила, и говорилъ ему въ глаза: „Какъ ты отважился гробницу съ престола взять? Такъ я сдѣлаю тебѣ то, что больше на свѣтѣ жить не будешь!“ А сказавъ тое, заразъ поѣхалъ въ мѣсто Смѣлу до отца своего, Смѣлянскаго жителя, протопопа Мошенскаго и Черкаскаго, Аѳанасія Гдышицкаго, уніата, а изъ прежнихъ прошедшихъ еретиковъ еретика и гонителя на вѣру православнаго народа, и тамо ему ложную занесъ жалобу, что яко бы оный Даніиль съ гробницею въ корчмѣ ходилъ и оною пилъ горѣлку, а съ горѣлкою и частки святыхъ даровъ повыпилъ. Оный же Даніиль, какъ оставилъ горѣлку пить, семь годовъ уже тогда

миновало. Что оный Аѳанасій Гдышицкій отъ сына своего когда выслушалъ, заразъ распалился гнѣвомъ, и немедленно пошли оба къ тамошнему Смѣлянскому губернатору (т. е. управителю) Вонжу съ прошеніемъ о учиненіи оному бѣдному старику сатисфакціи; который губернаторъ, по настоятельству оныхъ безчеловѣчныхъ уніатовъ, заразъ повелѣлъ взять его подъ караулъ и заковать въ желѣза, что вдругъ и учинено; а заковавъ отдалъ его въ замокъ Смѣлянской, гдѣ и содержанъ былъ съ вышеписаннаго марта мѣсяца сего года до іюля мѣсяца первыхъ чиселъ подъ карауломъ. Между тѣмъ множество православнаго народа, видя онаго старика невинно по ложнымъ доносамъ страждущаго, и соболѣзнуя объ немъ, первѣе прошеніемъ убѣждали онаго протопопа объ отпускѣ его свободна; но какъ потому ихъ прошенію ничего не успѣли, то оный народъ, сложивъ нѣскольکو денегъ суммы, вознамѣрились было его откупить. Однако овъ Гдышицкій, видя онаго народа столько за нимъ соболѣз-

нующа, точно сказалъ сіе: „Ежели на унію пристанеть, то отпущень будетъ; а ежели нѣтъ, то казнь будетъ смертію.“ Когда-жь благочестивые люди таковыя его Гдышицкаго немилосердныя рѣчи оному, Христа ради и вѣры Его православной страждущему старику Даніилу объявили на разсужденіе; то онъ не только не пожелалъ самъ приставать на унію, но еще и тому православному народу совѣтовалъ крѣпко и ненарушимо содержать православное Грекороссійское исповѣданіе; и просилъ при томъ ихъ, чтобы уже больше объ немъ не просили, сказуя: „Я готовъ за вѣру православную и умереть, а на унію пристать не хочу.“ Что оный Гдышицкій видя, не могли чѣмъ бы его Даніила склонить къ своей злопротивной уніи, разъярился немилосердною яростию; не чувствуя въ сердцѣ своемъ страха Божія, велѣлъ его, за согласіемъ и совѣтомъ показаннаго губернатора Вонжа, провадить къ стоящему на Украинѣ близъ мѣстечка Ольшаной обозу, и тамо за прибытіемъ заразъ писать

декретъ на онаго старика невиннаго, чтобъ руки ему пенькою обвертѣть и, смолою обливъ, огнемъ жегти. Что слышавъ многіе изъ тамошнихъ войсковыхъ, сожалѣя о таковой оному старику бѣдѣ, стали ему Гдышицкому совѣтовать, не дѣлалъ бы онъ ему таковаго немилосерднаго и безчеловѣчнаго мученія, а наказаль бы, ежели въ чемъ виновенъ, точію боевымъ наказаніемъ каковымъ. Однако онъ, будучи крайнею распаленъ яростію, не могъ отмѣнить своего безчеловѣчнаго предпріятія. И тако оный протопопъ Гдышицкій упалъ и увѣрилъ на ложное представленіе своего сына, самъ былъ на безвиннаго старика Даніила донощикомъ, а сыновья его родные Гдышицкіе свидѣтелями, чего ни по какимъ правамъ и законамъ не дѣлается. А какъ приспѣ время ему Даніилу мученія онаго, и приступилъ къ нему единъ поць уніатъ, хотя его исповѣдывать, то онъ, крѣпко придерживаясь православной вѣры, того уніата къ себѣ исповѣдывать не допустилъ, сказуя: „Я васъ уніатовъ отрицаюся, ученія

вашего и исповѣданія слушать не хочу; я уже на то приготовился и святыхъ тайнъ приобщался; а вы дѣлайте надо мною, что хотите“, и проговоривъ самъ слова исповѣданія, сколько могъ знать наизусть, отдалъ себе на волю ихъ. Въ томъ разѣ, по повелѣнію онаго немилосерднаго и безчеловѣчнаго мучителя Гдышицкаго, заразъ началъ палачъ жегти огнемъ руки такъ, что оный страдалецъ отъ великой болѣзни не утерпѣлъ и вопилъ болѣзненно, сказуя: „Господи, Боже мой! что сіе мнѣ подалъ еси; воля твоя святая на мнѣ да будетъ !,“—говоря притомъ: „о Боже мой! пріими духъ мой.“ А потомъ, взирая на православный народъ, окрестъ его стоящій во множествѣ, съ разныхъ сель для устрашенія старательствомъ уніатовъ согнанный, говорилъ: „Православные христіане, не вѣруйте вы уніатамъ, они проклятїи и вѣра ихъ проклята.“ И какъ только руки ему обгорѣли; то многіе при томъ бывшіе тамошніе господа усумнѣваясь, есть ли на немъ вина, достойна таковаго мученія,

или нѣтъ, уговаривали онаго Гдышицкаго, чтобъ онаго мучившагося хотя и безъ рукъ отпустилъ, сказуя при томъ: „Довольно было бы съ него и такой муки“. Но онѣй безчеловѣчный мучитель Гдышицкѣй, таковаго совѣта не слушая, во удовольствие своей за-твердѣлой и окамененной ярости, еще доставлялъ того, чтобы оному страдальцу была и голова отсѣчена, сказуя при томъ: „Ежели ему головы не отсѣчете, то мнѣ отсѣкутъ“; а потому и повелѣно палачу дѣлать то, что Гдышицкѣй приказываетъ. По какому Гдышицкаго велѣнію, когда, завязываяючи оному невинному мученику очи, палачъ сказалъ: „Не бойся, старичокъ! Богъ съ тобою“; то онѣй мученикъ, при послѣднемъ уже своемъ издыханіи, говорилъ палачу: „Я не боюсь; а ты дѣлай то, что тебѣ велѣть“. И тако и главу ему вдругъ отсѣкъ, и отсѣкши, встромилъ на палю, и пригвоздилъ гвоздемъ большимъ желѣзнымъ среди головы до пали; а пригвоздивъ, пришелъ къ оному Гдышиц-

кому и, отеръ свои руки объ полы одѣянія его Гдышицкаго, началъ требовать отъ него денегъ: „Заплати мнѣ за работу, что я работалъ“. И потому оный Гдышицкій, вынувъ изъ своего кармана невѣдомо сколько денегъ, и заплатилъ ему. А заплативши, наконецъ, приказалъ и тѣло онаго мученика сожести, и сожжено такъ, что по сожженіи православныи люди, выривъ ровикъ небольшой, только оставшійся пепель съ нѣкоторою частию костей загребли. Каковое мучительство видя приходившій для исповѣди сего мученика Данила уломъ (т. е. отщепенецъ) нѣкоторый, уніатъ, много говорилъ въ слухъ всѣмъ людямъ и войску окрестъ тамо собравшемуся: „Напрасно сему челоуѣку такое мучительство причинили“.

И тако житель Мліевскій Данило Кушниръ отъ рукъ безправныхъ уніатовъ скончался—1766 года, мѣсяца іюля 29 дня, въ день субботній, на святаго великомученика Каллиника. По всемъ

томъ безбожномъ и несправедливомъ содѣланіи и выполненіи проклятомъ тиранства надъ страдальцемъ объявленнымъ, тотъ безбожный уніать, протопопа уніатскаго Смѣлянскаго Аѳанасія Гдышицкаго сынъ, Василій Гдышицкій, пришедъ въ домъ усопшаго страдальца жены, домогался, какъ будто по справедливости, безстыдно на сорокоусть осьми рублей денегъ. Но показанная жена въ отвѣтъ ему сказала: „Сорокоусть вашъ за душу страченнаго мужа моего будетъ Господу Богу непріятенъ; а когда безвинно его замучили, то уже больше нѣтъ чего вамъ дѣлать; ежели угодно, возьмите еще и мене.“ О каковомъ его уніата Василія Гдышицкаго домогательствѣ, и что за такого душу хочетъ отправлять сорокоусть, котораго Даніила помянутаго самъ былъ и убійцею, послухавъ рейментарь генеральный Вороничъ отъ офиціала уніата Григорія Мокрицкаго, говорилъ ему офиціалу Мокрицкому, обличая его уніата Василія Гдышицкаго: „Руки его Василія въ кровь неповиннаго онаго смученнаго омочены;

и такъ не только ему Василю за его душу мши отправлять, но и до олтара и престола Божія достигать и коснуться не слѣдуетъ.“

Глава же его пригвождена оставалася на палѣ мѣсяца сентября до остатнихъ чиселъ; а потомъ, когда взята въ ночи тамо правовѣрными, то безбожные попы уявили рейментарю взятіе тоя главы; который рейментарь Вороничъ, не вѣдая, кто ее взялъ, зыскивалъ къ себѣ онаго страдальца Давіила жену, и дѣтей, и сродниковъ, и содержалъ подъ арестомъ и грозно устрашалъ, допытываясь, не взялибъ оныя, альбо не вѣдаютъ? А когда при томъ сторонніе, близъ ихъ живущіе люди засвидѣтельствовали, что изъ нихъ тоей ночи никто изъ дому не выходилъ, то оныя отпущены въ домъ.

Сего октября принесена въ Переяславль, въ катедральный Святвознесенскій Переяславскій монастырь, и погребена въ катедральной

Переяславской церкви, за лѣвымъ клиросомъ, предъ кіотомъ пресвятыя, преблагословенныя Владычицы нашея Богородицы, преосвященнымъ Гervasіемъ, епископомъ Переяславскимъ и Бориспольскимъ, со всѣмъ освященнымъ соборомъ.“—

О Г Л А В Л Е Н І Е

п е р в о й к н и ж к и .

	страниц.
Великій князь Кіевскій Святославъ Ярославичъ	3
Переяславскій отроць Янъ Усмошвецъ	10
Мліевскій староста Данило Кушниръ	14

